



Їбо я согрешила

Рассказ из серии "Чарли Дэвидсон"

ДАРИНДА
ДЖОНС

Читатели снова оказываются в сексуальном, захватывающем мире сверхъестественных интриг, который создала Даринда Джонс в своей серии книг о Чарли Дэвидсон. В этом рассказе Чарли помогает женщине выяснить, как она умерла, и открывает ей дорогу в мир иной. Серия: Чарли Дэвидсон — книга 1, 5 Перевод: Euphony Сверка: Euphony Редактура Nikitina Худ. оформление: RuSa

Даринда Джонс
Ибо я согрешила

Перевод: Euphony

Сверка: Euphony

Редактура: Nikitina

Читатели снова оказываются в сексуальном, захватывающем мире сверхъестественных интриг, который создала Даринда Джонс в своей серии книг о Чарли Дэвидсон. В этом рассказе Чарли помогает женщине выяснить, как она умерла, и открывает ей дорогу в мир иной.

— Падение. Я помню, как упала.

Я смотрела на женщину, к которой обращалась. Она лежала в постели, свернувшись клубком и так натянув на себя одеяло с кроликами Багз Банни, что было видно только несколько каштановых прядей. И, кажется, все еще спала, раз уж ничего мне не ответила.

— Угу, продолжай. — Приглушенный одеялом голос звучал грубовато.

— Но это все. Больше я ничего не помню.

Она промолчала, а я глянула на ночную сорочку, которая была на мне, и попыталась собрать по крупицам хоть какие-то воспоминания. Что произошло? Как я здесь оказалась? И где это — «здесь»?

Отвернувшись, я посмотрела в окно квартиры. Там, на улице, царил холодная городская ночь. Я разглядела огни уличных фонарей и темные очертания возвышающихся рядом зданий, но теперь все было иначе. Бетонные строения казались далекими и какими-то размытыми. Льющийся с фонарных столбов свет был призрачным, словно ненастоящим. Вообще так было с любым светом, кроме того, что исходил от женщины. Это я осознала, когда снова посмотрела на нее.

Она сияла, как жидкое золото, искрясь и ослепляя даже сквозь одеяло. И она была единственным объектом, на котором я могла сосредоточиться и который по-настоящему видела.

Гибкие пальцы стянули одеяло пониже, появилась темная голова, но глаза по-прежнему были закрыты. Лицо сияло и искрилось. Брови женщины сошлись в одну линию, выдавая ее раздражение. Она положила на лоб руку, как будто хотела закрыться от всего мира. Вскоре ее дыхание снова стало размеренным, и я уже решила, что женщина снова уснула, однако внезапно она заговорила:

— Значит, это все, что ты помнишь? Падение?

Немало удивившись, я расправила плечи. Сидела я на комод, потому что единственный в комнате стул был завален одеждой.

— Да.

— Учитывая, что ты здесь, — проговорила женщина, потирая лоб тыльной стороной ладони, — я бы сказала, что остановочка у тебя вышла очень даже неожиданная.

Сглотнув подступивший к горлу комок, я облизала губы, но у них не было ни вкуса, ни чувствительности. Как будто я только что побывала у стоматолога. Я наклонила голову и задала вопрос, ответ на который уже знала:

— Я мертва?

— Мертвее некуда. Который час?

Не поддаваясь подступающей печали, я взглянула на часы, которые стояли на тумбочке. Цифры показались знакомыми, но больше ничего не значили. И это было не важно.

Приподнявшись на локте, женщина устала на часы из-под копны непослушных волос, потом повернулась и снова посмотрела на меня. Я перестала дышать. У нее были прекрасные глаза — глубокие и ярко-золотистые. Смотреть в них через упавшие на лицо длинные пряди темных волос было все равно, что всматриваться в глаза пантеры сквозь тяжелые острые листья растущих в джунглях растений. Ее образ казался неземным.

— А не могла бы ты умереть попозже? — спросила она тяжелым от усталости голосом. — Скажем, в двенадцать минут десятого?

Я уже собиралась ответить, но поняла, что ей это не нужно. Она отбросила одеяло, на ней оказалась футболка с цитатой из песни «Blue Öyster Cult»^[1]. Женщина потянулась с самым громким зевком, который мне когда-либо доводилось слышать. Но даже это не смогло разрушить очарования, в котором я сейчас находилась, и невольно я задалась вопросом, кто она такая. Когда она сползла с кровати и двинулась к двери, мне пришло в голову, что, быть может, она ангел, застрявший на земле с миссией помогать тем, кто переходит в мир иной. Какое благородное создание!

— Щас будет стриптиз, — предупредила она перед тем, как натянуть на себя похожие на мужские боксеры трусы.

Моргнув, я попыталась отвернуться, но она справилась так быстро, что у меня просто не было времени. Мне стало неудобно, но ей, по-моему, было все равно.

— Раз уж придется выяснять, что произошло, — сказала собеседница, подняв вверх указательный палец, — нам нужен кофе. Много кофе.

Я проследовала за ней в такую крохотную кухоньку, что моя по сравнению с ней казалась Карнеги-Холлом^[2].

Секундочку. Моя кухня. Широко улыбаясь, я повернулась к женщине.

— Я помню, что у меня есть кухня.

— Чудесно, — отозвалась она, насыпая кофе в фильтр — К сожалению, кухни имеются еще у пяти миллиардов человек. Но это уже кое-что.

— Да, — сказала я, обходя небольшую барную стойку и осматриваясь. — Но моя намного больше. С керамической плиткой и гранитными столешницами.

Собеседница замерла и наградила меня тяжелым взглядом:

— Хочешь оскорбить мою кухню?

— Нет! — Ну вот, я ее обидела. — Просто я пыталась...

— Да шучу я, шучу. — Она усмехнулась самой себе. — Как-то я подумывала расширить ее, но мне не хватит терпения это пережить. Плюс я снимаю квартиру. Так о чем мы?

— Ну да. — Я смотрела на нее так же неуверенно, как тот, кто поставил на лошадь, а потом обнаружил, что у нее три ноги. — Так кто же вы?

Поставив кофейник на подставку для нагревания, она полностью сосредоточилась на мне.

— Должна предупредить, ответ тебе может не понравиться.

Трехногая лошадь, похоже, была еще и подслеповатой.

— Ладно.

— Меня зовут Шарлотта Дэвидсон, можешь звать меня Чарли. Я ангел смерти.

Из легких как будто выбили весь кислород, пока я стояла, оглядывая ее с головы до ног и пытаюсь осознать, что она только что сказала.

Она понимающе улыбнулась:

— Не переживай. Дышать тебе необязательно. Любишь фундук?

Несколько секунд я молчала, а потом спросила:

— Что?

— Фундук в кофе любишь?

Я моргнула и взглянула на кофейник.

— А я могу пить кофе?

— Нет, конечно. Извини. Просто хотела узнать, любишь ли ты кофе с орехами. То есть любила ли. Ну, когда пила.

— Какое это имеет значение? — спросила я, утопая в море замешательства.

— Как ни печально, никакого. Фундук уже молотый, кстати. — Она потянулась к шкафчику за чашкой. — Однако такие детали могут подстегнуть твою память. Ты любишь шоколад? Может быть, желейные конфеты? Или метамфетамин?

У меня отвисла челюсть. Я поискала глазами зеркало.

— О боже, неужели я похожа на наркоманку?

— Нет, — покачала головой собеседница. — Вовсе нет. — Потом бросила на меня украдкой взгляд и добавила: — То есть не очень.

Посмотрев на свои руки, я поняла, что они чересчур худые. И цвет кожи какой-то нехороший. Но разве так не должно быть, когда умираешь? Если бы только я могла вспомнить, кто я такая и как умерла! Однако я помнила только, как упала. А до этого за чем-то тянулась. Но за чем?

— Это нормально, что люди забывают, кто они такие, когда... ну... когда умирают?

Чарли пожала плечами, помешивая кофе.

— Нечасто, конечно, но случается. Особенно если смерть была травматической.

— Возможно, меня убили. — Изо всех сил я старалась вспомнить, протиснуться сквозь плотный туман в голове. — Подождите-ка. Мне нельзя кофе. Нельзя было, когда я была жива.

— Почему?

— Кажется, меня от него тошнит.

Взяв чашку, она пошла в крошечную гостиную. Тогда-то я и заметила невысокого и болезненно тощего мужчину в углу. Он был спиной к нам, босые ноги болтались в нескольких дюймах от пола.

— Говорила же, что это может помочь вспомнить хоть что-нибудь. Кофе в этом смысле многофункциональный продукт. Может, ты болела. Ты лежала в больнице?

Я не выдержала и ткнула пальцем в угол:

— Там какой-то парень...

— А, это мистер Вонг. — Она села за компьютер и подвигала мышью, чтобы «разбудить» экран. — Привет, мистер Вонг, — сказала она и помахала ему рукой. — Как висится?

— Он же...

— Парит, ага. Но ты привыкнешь. Ну так как? Есть идеи, как тебя зовут?

Снова сосредоточившись на Чарли, я все же продолжала одним глазом следить за мистером Вонгом.

— Ни единой. Он мертв?

— Однозначно. К тому же не отличается разговорчивостью. Присаживайся. — Она указала на стул рядом со столом, и я села, пока Чарли регистрировалась в базе данных. — Я собираюсь проверить произошедшие недавно смертельные случаи. Начну с «Альбукерке

Ньюз Джорнал», заодно посмотрю, не обращался ли кто с заявлениями о пропаже.

Пока сервер обрабатывал запрос, она уселась на стуле с ногами и уперлась подбородком в колено, одновременно стараясь не расплескать кофе, который держала обеими руками. И я поняла, что на ней толстые вязаные носки. Свисавшие за плечи волосы по-прежнему были в полнейшем беспорядке. Она казалась ребенком, который ждет мультиков в субботу утром.

— Вы совсем не похожи на ангела смерти.

— Мне говорили, — отозвалась она и пристально посмотрела на меня. — Мэри Джейн Холбрук.

— Кто? — спросила я.

Чарли снова уставилась на экран.

— Вот черт, не важно. Когда она умерла, ей вроде как было восемьдесят четыре.

Я тоже взглянула на экран, но цвета распались на пиксели, отчего сильно кружилась голова.

— Проклятье, для своего возраста она очень даже ничего.

— Почему я не могу нормально видеть?

— Ты в другом измерении, — ответила Чарли, не отрываясь от монитора. — А в разных измерениях объекты не всегда выглядят одинаково. Как насчет Дженнифер Сандовал?

— Совсем не знакомо, — покачала я головой. — Я на нее похожа?

— Понятия не имею. Я сейчас в полицейской базе данных. Фоток нет.

Очередное воспоминание всплыло на поверхность, но такое невероятное, такое ужасное, что пришлось прикусить губу, лишь бы не закричать. Наверняка память опять меня подводит. Такого не могло случиться.

— Итак, у меня полный ноль, — сказала Чарли, снова глядя на меня поверх чашки. Она сделала большой глоток, осматривая меня с ног до головы. — Не говоря уже о том, что ты могла умереть в любой точке земного шара и, если на то пошло, в любое время. По твоей ночнушке и прическе не могу сказать ничего, кроме того, что ты скорее всего умерла в пределах последних двадцати лет.

— Двадцати лет? — Я была потрясена. — То есть я шатаюсь здесь уже двадцать лет?

Она кивнула:

— Время в твоём измерении течет по-другому. Нелинейно. А к тебе потихоньку возвращается память, да? Ты вспомнила что-нибудь еще?

Видимо, у меня все было на лице написано: ужас, поразивший меня до глубины души, и страх, сковавший холодом позвоночник.

— Да, но этого не может быть. Просто... Нет, не может быть.

Из-под ресниц на меня смотрели самые сочувствующие глаза на свете.

— Мне ты можешь рассказать, что угодно. У меня с конфиденциальностью строго. А еще мне просто-напросто никто не поверит.

Я посмотрела на свои руки и, что важнее, на запястья. Однако на них не было ни царапинки. Но я помнила, как упала. Может быть, прыгнула с крыши здания или какого-нибудь моста.

— Мне кажется, я покончила с собой, — тихо сказала я, заливаясь краской от стыда.

— Ох. Мне очень жаль, солнце. — Чарли накрыла ладонью мою руку, и, хотя физически я ничего не ощущала, я почувствовала исходящее от нее тепло, чистое и манящее.

Внезапно мне ужасно захотелось расплакаться. Как я могла такое сделать? Я ведь любила жизнь. Я помню. Я ничего так не хотела, как жить, быть здоровой и нормальной.

— Секундочку. — До меня вдруг дошло. — Если я покончила с собой, разве не должна была я попасть в ад?

Она стиснула мою руку.

— Все несколько иначе, хотя большинство религий вдалбливают именно такой вариант развития событий. Иногда наши физические тела посылают нас туда, откуда, как нам кажется, мы не можем выбраться. Но в этом нет нашей вины.

Почувствовав, как щеки стали влажными, я удивилась, что все еще могу плакать.

— Расскажи мне, что ты помнишь.

Я вытерла щеку тыльной стороной ладони и глубоко вздохнула.

— Помню, как приняла решение умереть. Причем обдуманно.

Я поджала губы, чтобы не разрыдаться. Как я могла? Что же я за человек, раз решилась на такое? Я взяла священную жизнь, дарованную мне, и просто выбросила ее. Как будто эта жизнь ничего не значила. Как будто я ничего не значила.

— Солнышко, есть сотни причин, которые могли привести тебя к такому решению. — Чарли указала на мою ночнушку. — Как я уже говорила, ты могла болеть. Иногда... иногда больные раком совершают самоубийство. И чаще всего далеко не из эгоистичных побуждений.

Задумавшись, я нахмурилась. Рак не казался мне верным предположением, но я чувствовала, что Чарли недалеко от истины. Ее взгляд метнулся к моему животу и так же быстро сосредоточился на чем-то другом, но я заметила, посмотрела вниз и увидела мягкую полноту, обтянутую легкой тканью. Шок накрыл меня раньше, чем я смогла хотя бы попытаться его остановить.

— Я была беременна? — Мой голос сорвался на визг от невозможности поверить в то, что только что открылось. Взглянув на Чарли, я обеими руками закрыла рот и приглушенно взмолилась: — Пожалуйста, скажите мне, что я не была в положении, когда покончила с собой.

Отставив кофе, она взяла в руки обе мои ладони, и только тогда я поняла, что она меня чувствует. Для нее я была плотной, словно до сих пор имела тело, хотя все же могла проходить сквозь стены. Так я и попала сюда, когда пыталась добраться до Чарли, до исходящего от нее света.

— Этого мы не знаем, — ответила она твердым, уверенным тоном. — Я выясню, что с тобой случилось. Обещаю.

Искренность в золотой глубине ее глаз меня убедила.

— Но прямо сейчас мне надо в душ.

Еще раз сжав мои ладони, она ушла, а я принялась изучать квартиру, вместо того чтобы пытаться вспомнить что-нибудь еще. Я больше не хотела знать, кто я, что я за человек. Просматривая книги Чарли, я погладила живот, и этот жест был таким же естественным, как дыхание. Словно я делала это долго-долго. То есть не так чтобы очень, но судя по всему, достаточно, чтобы стало видно живот. Месяцев шесть? Или больше?

Сердце больно сжалось. И я заставила себя перестать об этом думать и сосредоточиться на том, что видели мои глаза. У Чарли были книги Джейн Остин, Дж. Р. Уорд и много такого, что можно втиснуть в промежуточные тематики. Я никогда не читала «Любовь сладка, любовь безумна»^[3], но наверняка эта книга действительно заслуживает внимания. У Чарли было аж три экземпляра. После этого я с опаской обошла угол мистера Вонга и всего за тридцать секунд успела осмотреть всю оставшуюся часть похожей на коробочку

квартирки. Мне пришло в голову попробовать поговорить с мистером Вонгом, но он, кажется, медитировал, поэтому я уселась на мягкий диван Чарли, едва не утонув в нем, и погрузилась в раздумья.

Однако мысли напоролись на безнадежную тоску, ошеломительную потребность в чем-то, за что я могла отдать жизнь. Как девочка-подросток, которая уверена, что непременно умрет, если папа не купит ей новую машину. Неужели мои желания могли быть такими поверхностными? Однако ничего с этим поделать я не могла, потому что понятия не имела, чего именно мне так отчаянно хотелось. Неужели я наложила на себя руки только потому, что чего-то хотела и не могла получить? Неужели я могла быть настолько незрелой? Настолько бессердечной, ведь вскоре должна была стать матерью?

— Готова? — спросила Чарли.

Я открыла глаза в темноту и была вынуждена сосредоточиться, чтобы сориентироваться. Кажется, я ускользала, проваливалась в забвение. Потом я снова увидела свет, исходящий от Чарли, и устремилась к нему, пока снова не очутилась в ее гостиной.

— Ты в порядке? — спросила она.

После душа она надела джинсы и белую толстовку. Волосы были стянуты в хвост на затылке, и я впервые полностью увидела ее лицо. Какая же она красавица! Знает ли она сама об этом?

Когда Чарли начала готовить новую порцию кофе, я вопросительно приподняла брови.

— Это для моей подруги Куки. Она живет на этом же этаже, — объяснила она и быстренько нацарапала какую-то записку. — Скоро она придет за кофе, а у нас есть дельце.

— Правда? — спросила я. Может быть, Чарли уже что-то выяснила.

— Правда. Мне кажется, твоя ночнушка новая. — Она указала на мою одежду и кивнула. — Вспомнила, что видела ее в «Таргете»^[4], когда была в душе.

Я глянула в сторону ванной.

— У вас, наверное, просто огромный душ.

— А ты веселая. На днях я видела такую же ночнушку. Значит, умерла ты не так давно. Может быть, совсем недавно.

— В самом деле? — Я посмотрела на свою одежду. Она и правда выглядела, как новая.

Чарли прилепила стикер на кофемашину и, подмигнув ему, проговорила:

— Передай мое послание, любимый.

А затем направилась к двери, не забыв прихватить сумку.

Несколько секунд я пялилась на кофеварку, пока не поняла, что Чарли пошутила. Даже испытала облегчение, когда аппарат ничего не ответил. Однако все для меня было новым. Кто мог сказать, что живое, а что нет в этом мире? В этом измерении?

— Ты еще Развалюху не видела, — бросила через плечо Чарли и на пару секунд остановилась, чтобы открыть дверь.

У нее на пути возник высокий мужчина. В общем, мне показалось, что он мужчина. Он стоял, прислонившись к дверному косяку и сложив на широкой груди руки. Один уголок его рта выдавал намек на улыбку, от которой захватывало дух. Однако он был каким-то... другим. Темным. Неистовым. Казалось, воздух вокруг него клубится, словно он сам был воплощением турбулентности. А еще он будто лишь наполовину был из плоти и крови. Вторая его половина представлялась дымом и тьмой. От одного только взгляда на него — на такое великолепие — у меня подкосились ноги.

Чарли подбоченилась и спросила с явным раздражением:

— Где тебя носило?

— Соскучилась?

— Ни капельки, — ответила она и фыркнула, чтобы подчеркнуть и без того очевидную, но явно наигранную неприязнь. Однако никого из нас надуть ей не удалось.

— Ты совершенно не умеешь врать. — Ухмылка превратилась в широкую улыбку. Показался ряд белоснежных зубов.

Даже если бы кто-то мне заплатил, я вряд ли сумела бы отвести взгляд. Одним словом, он был сногшибательным. Густые темные волосы. Чувственные губы. Пронзительные темные глаза в окружении длинных чернильно-черных ресниц. И, похоже, самая дьявольская улыбка из всех, что я видела.

— Я тебе говорила, что вру отменно. Просто ты действительно слишком проницательный. Между прочим, у меня тут дело.

Чарли попыталась обойти его, но он уперся рукой в косяк напротив того, к которому прислонился, и опустил голову.

— Что случилось?

— А? — переспросила она сухим бесцветным голосом. — Ничего. У меня дело.

Несколько долгих секунд он сверлил ее взглядом, поджав губы. Когда Чарли жестом показала ему уйти с дороги, он поднял голову и посмотрел поверх ее макушки на меня.

— Кто эта мертвая барышня?

— Рейес... — она посмотрела на меня извиняющимся взглядом, а потом снова повернулась к нему, — это обалдеть как грубо.

— Даже для сына Сатаны? — поинтересовался он, словно обращался отчасти к самому себе. — А ты не хочешь знать, что я здесь делаю?

— Нет.

Секундочку, он сказал «сын Сатаны»?

— Я сто процентов дам тебе по яйцам, если не свалишь с дороги, — процедила Чарли, расправляя плечи.

Рейес наклонился, пока его губы не оказались у самого ее уха.

— Прямо сейчас я абсолютно не материален, Датч.

Как бы там ни было, она все-таки пнула его коленом. Он тут же исчез. Растворился в воздухе. На несколько секунд в том месте, где он только что стоял, повис черный дым. Аккомпанементом ему был тихий смех, который полностью стих почти мгновенно.

Чарли повернулась ко мне:

— Извини за это. Нам надо проработать несколько пунктов. И первым делом — уважение к моим клиентам.

Последние слова она прошипела сквозь зубы и все-таки направилась к двери.

Я поспешила за ней.

— Он сказал «сын Сатаны»?

— Ага. Зло во плоти. И можешь мне поверить, у него отлично получается.

Я же представить себе не могла, чтобы у него хоть что-то не получалось или получалось плохо.

Мы вышли в густую от липкой темноты ночь. Впрочем, темнота вовсе не мешала мне видеть, разве что немного приглушала цвета. Но, как и раньше, свет уличных фонарей не освещал, а словно делал пространство, которое заливал, еще темнее. Эффект, прямо скажем, сюрреалистический.

— Это, — сказала Чарли, показывая рукой на красный джип «вранглер», — Развалюха. Я в нее влюблена по уши, только моей сестре не говори. Она психиатр и наверняка подвергнет подобное заявление тщательному психоанализу, после чего сделает крайне дерьмовые выводы.

Мы забрались в машину. Дрожа, Чарли привела джип в чувство и включила обогреватель. Тогда-то я и поняла, что мне не холодно. И не жарко. Вообще никак. Ощущение температуры, как вкус и осязание, было для меня недоступно.

Пока мы ехали по какой-то незнакомой мне улице, я сложила руки на коленях и скрепя сердце спросила:

— Он приходил за мной?

Брови Чарли вопросительно поползли вверх.

— Сын Сатаны. Он приходил, чтобы забрать меня в ад?

Повернув на стоянку у круглосуточного магазина, Чарли остановила джип, выключила двигатель и повернулась ко мне:

— Значит, так. Можешь мне поверить, если бы у тебя был билет на рейс до адской сковородки, ты была бы уже на месте, и мы бы сейчас не разговаривали.

— Но ведь я определенно взяла грех на душу.

— Правда, что ли? — спросила Чарли, и дразнящая улыбка осветила ее лицо. — Видишь ли, я на сто процентов уверена, что и сама согрешила пару раз. И, по мнению некоторых религий, собираюсь согрешить снова.

Я моргнула и осмотрелась, пытаясь понять, о чем она толкует.

— Сейчас я двинусь напрямиком в магазин и куплю себе целую чашку мокко латте со взбитыми сливками. Кофеин. Калории. — Она наклонилась ко мне и с заговорщическим видом прошептала: — Совершенно бессовестное удовольствие.

В ответ на это я не могла не улыбнуться.

— Разве только что вы не выпили чашку кофе?

— Ну да. Кофе. А это латте. Мокко латте. Со взбитыми сливками. Далеко не одно и то же. — Она подмигнула мне и выскочила из джипа.

Я решила пойти с ней.

— Кроме того, я прикончила тот кофе, — Чарли посмотрела на часы, — кучу минут назад.

— Вы заставляете меня смеяться.

— А ты в круглосуточном магазине в пять утра в одной ночнушке и пушистых тапочках, — парировала она тихим голосом.

Чарли была права. Нарушая правила приличия, я должна была чувствовать себя неловко.

— Так что у вас с тем парнем?

— С Рейесом? — спросила Чарли, доставая мобильник. Кофейный автомат уже варил для нее кофе. Открыв телефон, она притворилась, будто с кем-то разговаривает. Видимо, на случай, если кто-то заметит. — Ну, он самое знойное из всех созданий по эту сторону Меркурия. Я, конечно же, имею в виду только то, что его выковали в адском пламени, — сказала она, поигрывая бровями, пока автомат наливал вторую чашку. — А кроме того, он та еще заноза в заднице.

— Но вам он нравится.

Накрыв крышками обе чашки, она сунула одну в сгиб локтя, чтобы по-прежнему держать в другой руке телефон, и пошла к продавцу.

— Если ты имеешь в виду, что из-за него у меня плавают кишки и подкашиваются ноги, то да, он мне нравится. — Прижав телефон к груди, тем самым показывая мне, что в нашем разговоре наметился перерыв, Чарли обратилась к продавцу: — Нам надо перестать вот так встречаться.

Парень застенчиво улыбнулся, вручая ей сдачу:

— Увидимся завтра ночью?

— Если тебе повезет, — отозвалась она и кокетливо подмигнула. Да уж, ей надо организовать свои курсы.

— Часто здесь бываете? — спросила я.

Пожав плечами, она забралась в джип. Я просочилась сквозь дверь на пассажирское сиденье.

— Всего лишь каждую ночь. Или около того. У них действительно классный латте. Но, как я уже говорила, он заноза в заднице.

— Продавец?

— Рейес.

— О. — Мне было ужасно интересно, какая у Чарли жизнь. В смысле каково это — светиться в темноте и крутить роман с сыном Сатаны. — У вас, наверное, есть суперсилы?

Свернув на Централ, Чарли наградила меня любопытным взглядом.

— Ты о том, умею ли я летать?

Я рассмеялась:

— Нет. Секундочку, — добавила я, передумав, — а вы умеете?

Пришел ее черед смеяться:

— Не умею. Ну, разве что когда я на очень сильных болеутоляющих.

— Ясно. А что еще делает ангел смерти, кроме того, что ярко сияет?

— Знаешь, мне все говорят, что я очень яркая. А я этого не вижу. — Чарли уставилась на свою ладонь, поворачивая ее то одной, то другой стороной. — К счастью, не видят и живые. Однако я просто-напросто таскаюсь по городу и помогаю покойникам, так сказать, с их незаконченными делами. Более подходящей фразы все равно нет. То есть я помогаю тем, кто не перешел сразу, а остался блуждать по Земле. И когда они чувствуют, что готовы, то могут пройти через меня.

— Через вас? — Я была несколько ошарашена. — Буквально?

— Ага. Разве я еще не говорила? — Когда я покачала головой, Чарли продолжила: — Надеюсь, это тебя не пугает. Выглядишь так, будто призрак увидела. — Она опять рассмеялась, а я мыслями вернулась к теории о трехногой лошади. Через несколько секунд она успокоилась и проговорила: — Ну ладно, признаю — поторопилась. У новичков хреново с чувством юмора.

— Простите. Я сейчас немножечко мертва.

— Ну вот, — улыбнувшись, Чарли кивнула, — схватываешь налету.

Я тоже улыбнулась, но быстро отвернулась, чтобы она не видела. Не стоило мне начинать чувствовать себя комфортно здесь, где царили пустота и одиночество.

Мы въехали на стоянку у пресвитерианской больницы, а затем пошли по указателям к родильному отделению. И я поняла, что у нее на уме: она собиралась проверить, не умер ли кто-то в родах, а может быть, до или после них. Стыд грозил поглотить меня с головой. Я приняла решение умереть. Я это чувствовала. Но я бы никогда не сделала этого, дожив до роддома.

— Вы и правда собираетесь выпить обе чашки? — спросила я у Чарли.

— Нет, конечно. В таких местах это валюта.

Приближаясь к отделению, Чарли отогнула от чашки указательный палец и прижала его к губам, призывая меня к молчанию.

— Почему мне надо молчать? Я думала, меня никто не слышит.

— Ты сбиваешь весь настрой.

Я нахмурилась, глядя, как она метнулась к стене и распласталась по ней. Осмотрев открывающийся за углом коридор в обоих направлениях, она свернула направо, быстро шагая к входу в родильное отделение. Чуть не поскользнулась на ровном месте, но вовремя восстановила равновесие и заново распласталась по стене со вздохом облегчения.

О да. Чарли чокнутая.

Женский голос из переговорного устройства возле закрытой двери эхом срикошетил от стен:

— Дэвидсон, ты что творишь?

Чарли решила не придумывать отговорок и нажала на кнопку:

— Ничего. Абсолютно ничегошеньки.

— Это тебе не рация для пустой болтовни, Чарли.

— Знаю.

Послышался тихий смех, а затем тот же голос спросил:

— Хочешь войти?

— А ты хочешь мокко латте?

Больше никто ничего не сказал — двери открылись. Чарли глянула на меня с довольной ухмылкой и приподняла чашку с кофе:

— Говорила же, круче золота.

Мы остановились у сестринского поста, где две медсестры заполняли истории болезни.

— Правда, золото я еще не пробовала, — шепнула Чарли через плечо.

Одна из медсестер, потрясающе красивая латиноамериканка с коротким каре и миндалевидными глазами, подняла взгляд от бумаг. Выражение ее лица не оставляло сомнений — Чарли угадала с кофе. Она схватила чашку, сорвала крышку и, подув, чтобы не обжечься, неуверенно сделала маленький глоток.

— Давненько тебя не было. Чем я заслужила такое удовольствие? — спросила женщина, не скрывая наслаждения после глотка. Потом захихикала, вышла из-за стола и набросилась на Чарли с медвежьими объятиями.

— Ну...

— У тебя мокрые волосы, — перебила медсестра. — Чарли, черт возьми, там же градусов семь.

— Ничего подобного. Минимум девять.

Пока Чарли обменивалась с подругой новостями и подробностями жизни, я решила осмотреться. В палатах вокруг нас не было света, но я и так видела крошечные кровати и огромные аппараты, из чего сразу сделала вывод: мы в отделении для недоношенных детей. То, что я оказалась здесь, всколыхнуло что-то внутри меня. Тоску. Желание. Ослепляющую потребность создавать и защищать. Настолько сильную, что стало больно. Изо всех сил пробираясь сквозь эту боль, я вырвалась из ее цепкой хватки и оттолкнула как можно дальше от себя.

— Ну так как? Сделаешь парочку звонков? — спросила Чарли, когда я повернулась,

чтобы подойти к ней. На несколько секунд я замерла, в очередной раз пораженная манящим сиянием, блестящей аурой, которая ее окутывала.

— Ну конечно. В каждой больнице у меня есть по несколько знакомых медсестер. Я все узнаю.

— Что она хочет узнать? — спросила я у Чарли, подходя ближе.

— Ой, прости, я на минутку, — сказала она подруге и снова открыла мобильник. Видимо, подруга обо мне не знала. — Привет, что стряслось?

— М-м, я в порядке, что она хоч...

— Точно. Нэнси уже работает над этим. Попридержи коней, дядя Боб. Мы все выясним.

Мне показалось, что на этот раз ей действительно позвонили, но через секунду она посмотрела прямо на меня и подмигнула:

— Ага, Нэнси разыскивает беременную женщину под тридцать, которая умерла на днях. Она проверяет все больницы в городе.

Я опустила глаза.

— Но если я покончила с собой...

— Этого мы не знаем. — Она взяла меня за руку, чтобы вернуть из опасного омута. — Мы не знаем, что произошло.

И тут ее брови сдвинулись, глаза посмотрели мимо меня, а выражение лица внезапно стало раздраженным.

Я обернулась и тоже увидела. Его. Рейеса. Во всей красе. Он стоял в коридоре недалеко от сестринского поста и сквозь стеклянную стену вглядывался в одну из палат со все теми же крошечными кроватками и огромными аппаратами. На этот раз мне удалось получше рассмотреть руки, скрещенные на широкой груди, темную щетину, очерчивавшую идеальные губы...

Бросив взгляд на подругу, Чарли медленно пошла к нему, прижав к уху телефон. Подруга ответила таким же быстрым взглядом, но, конечно, не увидела ни Рейеса, ни меня.

— Ты ведь больше не психуешь по поводу того инцидента с ножом у твоего горла? — спросил он, не отрываясь от стекла. — Прошло уже несколько дней. К тому же виноват не только я.

— Какое слово во фразе «У меня дело» ты не понял? — проговорила Чарли в трубку.

Он не ответил. А потом улыбнулся так, что очаровал бы и мех на лисе, и сказал:

— Дети — это круто.

Чарли тоже улыбнулась и посмотрела в палату.

— Они как будто даже ненастоящие, — согласилась она, искоса глядя сквозь стекло с выражением восхищения на лице. — Как куклы. Ну, куклы с проводами и дыхательными аппаратами. Бедняжки.

Рейес прикоснулся к стеклу указательным пальцем, показывая на одного из детей:

— Вон тот станет профессиональным футболистом.

Сначала Чарли рассмеялась, а когда он не присоединился к ней, настороженно поглядела на него:

— Ты действительно это знаешь?

— Я действительно это знаю, — ответил он, по-прежнему не отводя взгляда от младенца.

— Черт подери. — Теперь она смотрела на ребенка по-другому. — Но ведь он еще такой маленький.

Рейес пожал плечами:

— Он все это переживет.

Чарли тихонько хихикнула:

— Надеюсь.

Я не могла смотреть вместе с ними. Не могла заставить себя признать то, что сделала. Признать, что разрушила жизнь. Жизнь, которую я должна была разрушить.

— Не хочешь знать, почему я здесь? — спросил Рейес через минуту, сложил руки на груди и уставился на Чарли пронзительным взглядом.

— Не-а.

Сделав едва уловимый шаг к ней, он сказал:

— Может, уберешь этот идиотский телефон?

— И снова нет.

Пока она смотрела через стекло на крошечных детей, он провел пальцем по ее щеке, затем по шее, оставляя след из черного дыма ласкать ее кожу.

Глубоко вздохнув, словно пытаюсь вдохнуть его сущность, Чарли отступила назад и покачала головой:

— Прекрати.

Рейес подался к ней:

— Останови меня.

Она уперлась рукой ему грудь, а он накрыл ее своей ладонью. В темных глазах плескалась настоящая мольба, как будто Чарли могла что-то для него сделать. И все же она оттолкнула его, дьявольская улыбка едва коснулась его губ, и Рейес снова растворился в мрачном тумане.

— Что там у тебя? — спросила подруга Чарли, идя к нам по коридору. В руке у нее был лист бумаги.

— Ой, — произнесла Чарли, приходя в себя, — я... Тут была какая-то букашка.

Медсестра оглянулась:

— Это ее ты пыталась вытолкнуть куда подальше? — Когда Чарли ничего не ответила, а просто пожалала плечами и закрыла телефон, она вручила ей листок. — В больнице святого Иосифа умерла женщина. Она была беременна.

Чарли посмотрела на бумажку, а мое сердце едва не выскочило из груди. Ну, мне так показалось. Разве у меня все еще было сердце?

— Время смерти известно? — спросила Чарли.

— Точно нет. Известно, что это произошло сегодня рано утром.

— Ясненько. — Еще раз изучив написанное, Чарли добавила: — Ну, мне, видимо, пора выдвигаться в больницу святого Иосифа.

— Спасибо за мокко латте, — отозвалась медсестра, снова сгребая Чарли в охапку. — Когда-нибудь ты мне расскажешь, что все это значит.

— Когда-нибудь, — согласилась Чарли, хитро улыбаясь мне из-за плеча подруги.

До больницы святого Иосифа мы проехали почти через весь город, не сказав друг другу ни слова. Стоянка была совершенно пуста. Свет нового дня лишь слегка окрасил горизонт. Но этот свет я смогла увидеть — яркий и великолепный. Настоящий. Мы вошли в здание и нашли знакомую Нэнси — дежурную медсестру, которую звали Джиллиан Лайтфут. Представившись, Чарли спросила обо мне, сказав, что она моя подруга и очень беспокоится.

— Не уверена, что мы говорим об одной и той же женщине. Как зовут вашу подругу?

Черт. Об этом я не подумала. Я посмотрела на Чарли, которая сжимала в руке листок бумаги. Она украдкой бросила на меня взгляд и ответила:

— Джо. Джо Монтгомери.

Да! Это мое имя! Я узнала его сразу же. Моя рука легла мне на грудь, а потом коснулась щеки. Меня зовут Джо Энн Монтгомери.

Чарли снова взглянула на меня и грустно улыбнулась.

— Это она, — проговорила медсестра. — Сочувствую вашей потере. Ее семья тоже здесь.

— Можно мне с ними встретиться? — спросила Чарли.

— Ну-у, — неуверенно протянула медсестра, явно не зная, что делать, — еще слишком рано. Учитывая, что вы с ней не родственники... Хотя вряд ли кто-то будет возражать. Но я все равно сначала спрошу у них. Они сейчас с ребенком.

Я замерла, сокрушенная волной навалившихся в одно мгновение чувств.

Видимо, Чарли почувствовала мое состояние.

— Буду очень благодарна, — сказала она медсестре, потом взяла меня за руку и потащила в ближайший туалет. — Я сейчас вернусь! — добавила она и, закрыв дверь, повернулась ко мне.

Я рухнула на пол, не в силах больше выдерживать собственный вес, как будто он до сих пор у меня был. Чарли упала на колени рядом со мной.

— Как ты, солнце? — ласково спросила она.

— Я упала, — вместо ответа на вопрос сказала я, по крупичкам собирая воспоминания о последних минутах жизни. — Что-то было не так, я потянулась за телефоном, но упала и потеряла сознание. Больше ничего не помню...

Я рыдалась. Так сильно, так надрывно, что не могла дышать. Хорошо, что в этом не было необходимости. Чарли обняла меня, и я почувствовала, как ее свет перетекает в меня, впитывается, согревает и исцеляет, как чудодейственный бальзам. Я потеряла счет времени, вернувшись мыслями в последние месяцы, когда была беременна, полна надежд, когда приняла главное решение в моей жизни, зная, что могу умереть.

Когда я наконец вернулась в настоящее, Чарли куда-то меня вела. Мы оказались в больничной палате. Мама ворковала над крошечным свертком у нее на руках.

— Как ее зовут? — спросила Чарли.

Моя мама — моя прекрасная сильная мама, на долю которой выпало так много волнений и тревог — передала ей малышку.

— Ее зовут Мелоди Джо Энн, — ответила она, и покрасневшие глаза засияли гордостью.

— Постойте, — сказала я Чарли, — мы же остановились на Мелоди Рут, в честь мамы.

Подняв глаза от малышки, Чарли посмотрела на маму:

— Я думала, что Джо решила назвать ее Мелоди Рут.

Мама засмеялась сквозь слезы, блестящие в ее глазах.

— Все верно, но я подумала, этой малышке гораздо больше подойдет имя в честь женщины, которая отдала за нее жизнь.

— Могу я спросить, что произошло? — тихо спросила Чарли.

Было очевидно, что мама убита горем, но она нашла в себе силы объяснить:

— Не знаю, насколько близки вы были с Джо. У нее был диабет первого типа.

— Этого я не знала, — ответила Чарли, сочувственно глядя на маму и покачиваясь с

ребенком на руках.

— Нам стало известно об этом, когда ей было семь. Тогда она едва не умерла. Повреждение почек было необратимым. Всю жизнь мы боролись, чтобы она была жива. Сотни больниц. Сотни раз на грани жизни и смерти.

Она коснулась маленькой ладошки, которая появилась из складок одеяла. Ладонь моей дочери. Это было ужасно.

— Прямо как ее мать, — произнес мужской голос.

Удивившись, я обернулась и увидела папу, который входил в палату с двумя чашками кофе в руках.

— Всегда пыталась выбраться из пеленок, — добавил он, показывая на ручку малышки. — Всегда бунтовала.

— До самого конца, — сказала мама, задохнувшись от рыданий.

— Мне очень жаль, мистер и миссис Монтгомери, — проговорила Чарли.

— Однажды она пришла домой и рассказала, что беременна, — поведала мама. Папа отдал ей чашку кофе и в знак поддержки сжал ее плечо. — Доктор сказал ей, что если она через это пройдет, то рискует потерять жизнь. Но она ничего в жизни не хотела так, как ребенка. И это единственное, что могло ее убить.

Мама больше не могла сдерживать слезы и разрыдалась, а папа крепко ее обнимал. Теперь я все вспомнила. Как однажды, всего один раз, мы с моим парнем не были осторожны. Как он решил не участвовать в жизни Мелоди. Как я заболела и больше не могла сама о себе заботиться, поэтому ушла с работы и вернулась к родителям. Я делала все с одной-единственной целью — сохранить жизнь Мелоди.

В конце концов я нашла в себе силы подойти к Чарли и посмотреть на дитя, так долго жившее внутри меня. Чарли тут же повернулась, чтобы я смогла увидеть лицо малышки. Чувства переполнили меня, и инстинктивно я прикрыла рот обеими руками. Она была самой прекрасной на свете! Совершенной, идеальной.

— Посмотри, какие у нее глазки, — с трудом проговорила я.

Чарли кивнула:

— А какие длинные пальчики!

— Дети — это круто.

Опешив, мы уставились на Рейеса, который возник из омыта черного дыма, окутавшего его, как пар — куски сухого льда. Я думала, что Чарли расстроится, но, кажется, его присутствие отнюдь ее не тяготило. Она опять посмотрела на Мелоди, как будто никого больше не было рядом.

— Можно? — спросил меня Рейес, приподняв брови. Впервые он обращался напрямую ко мне.

— Конечно, — ответила я, как только смогла прийти в себя, и отошла в сторону, чтобы дать ему взглянуть на ребенка.

Он шагнул ближе и улыбнулся Мелоди.

— С Днем рождения, красавица.

Широко улыбувшись, Чарли прошептала:

— И правда, ну разве она не красавица?

— Красавица, но я говорил с тобой.

Явно удивившись, Чарли с любопытством посмотрела на него:

— Черт возьми, у меня же День рождения. Откуда ты узнал?

Рейес покачал головой:

— Я там был, забыла?

— Точно, — прошептала она и снова уставилась на него. — Спасибо.

— Пожалуйста. А теперь я вас оставляю. — Коснувшись невидимой шляпы, он повернулся ко мне. — Поздравляю.

— Спасибо, — ответила я.

И за секунду до того, как раствориться, он добавил:

— Ах да, если тебе интересно, она станет выдающейся художницей.

Рука снова взметнулась ко рту. В мыслях я уже видела мою прекрасную Мелоди с кистью в руке, на щеке пятнышко лазурной краски, на брови — фиолетовый мазок. Моя дочь была совершенством, и ее работы будут такими же.

Дождавшись, когда черный дым, в котором исчез Рейес, рассеется, я повернулась к Чарли:

— Он был рядом в день вашего рождения?

— Ага. Долго рассказывать.

Я усмехнулась:

— У вас такая необычная жизнь. И вы разделили с моей дочерью день рождения.

— Точно.

— Она разговаривает с вами? — спросил у Чарли мой отец, наверняка расслышав ее шепот. По лицу было видно, что он поражен.

Чарли засмеялась:

— Еще как. Просто фонтанирует.

Она подняла глаза, взглянула на него и улыбнулась. Папа улыбнулся в ответ, подошел ближе и посмотрел на мою дочь.

— Можете им кое-что от меня передать? — спросила я.

Чарли кивнула и стала ждать, когда я заговорю.

— Передайте им спасибо. За все. Я...

Больше говорить я не могла. К горлу подступил комок, как только я подумала обо всем, что они для меня сделали, обо всем, чем им пришлось пожертвовать. Я не покончила жизнь самоубийством. Не совсем так. Я принесла в жертву свою жизнь ради новой. Осознав это, я почувствовала прилив благословенного облегчения. И мои родители меня простили, позволили воплотить в жизнь мою единственную мечту. Теперь они станут растить мою дочь, купая ее в такой же огромной любви, какой всегда окружали меня. О большем я не могла и мечтать.

Но как можно было передать словами переполняющую меня благодарность? Существовали ли вообще на свете такие сильные слова, которые вместили бы в себя те невероятные чувства, что бурлили сейчас во мне?

— Да, спасибо, — повторила я. Я сделала правильный выбор, все остальное не имело значения. — Просто спасибо.

— Джо попросила меня кое-что вам передать, — произнесла Чарли надломленным голосом.

Сказанное до глубины души поразило маму, которая стояла рядом с отцом. С замиранием сердца ожидая любого слова, она искала меня глазами.

— Она передала вам спасибо.

Ох, чуть не забыла! Я наклонилась к Чарли и быстро зашептала ей на ухо.

Она рассмеялась.

— Джо убедительно просит вас записать Мелоди в лучшую школы живописи, которую вы сумеете найти в округе.

Улыбка, озарившая лицо мамы, была незабываемой.

— В этом вся Джо, — проговорила она со слезами на глазах. — Всегда требует лучшего. Забрав у Чарли сверток, мама обняла ее и отца одновременно. Эта сцена заставила меня кое-кто осознать.

— Кажется, я готова, — сказала я.

Чарли обернулась, посмотрела на меня своими золотыми глазами и кивнула.

Родители возились с Мелоди. Пришло мое время. Но сперва я шагнула вперед и обняла Чарли. Она тоже обняла меня, и появилось ощущение, будто меня окутал солнечный свет. А в следующий миг я перешла.

Путешествие было стремительным. Перед глазами замелькали мысли и воспоминания, которые мне не принадлежали. И почти сразу я поняла, что это были мысли и воспоминания Чарли. Их было так много, что постичь все было невозможно, но все же некоторые из них мне удалось впитать. Например, воспоминание о том, как умерла ее мама. И каково было Чарли в старших классах, когда она была ангелом смерти в окружении самых обычных людей. Я узнала, как сильно втайне от всех она любит детей, но глубоко убеждена, что никогда не сможет их иметь. Увидела маленькие, но ловко устроенные защитные механизмы, благодаря которым она держала людей на расстоянии вытянутой руки. Потому что слишком много знала о предательстве, потерях и смерти.

А еще я увидела, как она всем сердцем надеется, что Рейес любит ее. Хотя бы капельку. Этого было бы достаточно, чтобы она просыпалась и день за днем проживала свою жизнь.

Внезапно я оказалась в месте, о существовании которого даже не подозревала. Оно было раскрашено такими ослепительно яркими цветами, каких не увидеть на Земле. Я почувствовала тепло, не имевшее никакого отношения к погоде. Такое чистое и прекрасное, оно наполняло каждую клеточку моего естества. И там, в месте, существовавшем вне времени, я видела, как росло то, к чему я стремилась большего всего на свете. Я видела, как росла и взрослела Мелоди Джо Энн Монтгомери, до того самого дня, когда мы с ней снова встретимся.

Это будет чудесный день.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Blue Öyster Cult» — американская рок-группа, созданная в Нью-Йорке в 1967 г.

Карнеги-Холл (англ. Carnegie Hall) — концертный зал в Нью-Йорке, на углу Седьмой авеню и 57-й улицы Манхэттена.

«Любовь сладка, любовь безумна» — роман Розмари Роджерс.

Target Corporation — американская компания-ритейлер, управляющая сетью магазинов розничной торговли, работающих под марками Target и SuperTarget. Штаб-квартира расположена в городе Миннеаполис (штат Миннесота, США).